

Николай Морозов в гостях у Репина

Карельский
меридиан

От усадьбы «Пенаты» совсем близко до Финского залива. Можно, правда, не топиться, пройти налево, к дому Корнея Ивановича Чуковского, крикнуть его, и уже всем вместе выйти на берег. Прогулка к заливу обычна для гостей Ильи Ефимовича Репина, приезжающих к нему на знаменитые «среды».

И на этот раз группа людей неторопливо направилась на взморье. Вот выбрались, наконец, и притихли. Кругом, куда ни взглянешь, снежная пустыня. Кто-то рядом с Ильей Ефимовичем, сделав театральный жест, восклицает: «Накой простор!». Остальные улыбаются, переглядываются, ведь так называется одна из картин Репина. А тем временем, несколько в стороне, пожилой человек невысокого роста, быстро одевает лыжи и идет по снегу.

— Николай Александрович, куда же вы? — слышит он голоса сзади. Лыжник обернулся, помахал бамбуковой палкой и снова продолжает путь. О чем он думает, мерно двигаясь вперед по бескрайнему снежному простору? Может быть, невольное, в ритме движения, складывается у него новое стихотворение, или мысленно спорит с Д. И. Менделеевым, пытается доказать, что атомы металлов и металлоидов должны быть сложны. Или вспоминает...

Позади — «хождение в народ», тюрьма, вновь активное участие в организации «Народная воля», попытки покушения на Александра III, редактирование центрального органа «Народной воли», новый приговор и еще 25 лет в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях в одиночном заключении. Николай Александрович Морозов помнит стоны умирающих в соседней камере, крики сошедших с ума. Сам он не раз бывал в эти годы на том страшном рубеже, где границы между жизнью и смертью не существовало. В донесениях тюремного врача Александру III есть такие строки: «Морозову осталось жить несколько дней».

Но даже врач, привыкший за долгие годы службы ко всему, с удивлением сообщал: «Морозов обманул смерть и медицинскую науку и начал выздоравливать». Как он сумел пережить все это? Что думал он при свидании с родными перед освобождением на свободу в 1906 году, когда его встретила незнакомая женщина, назвавшаяся сестренкой Верочки? Николай Александрович последний раз перед этой встречей видел сестру 31 год назад.

На него, «выходца с того света» приезжают взглянуть, его приглашают в гости. На одном из

подобных вечеров у историка Василия Ивановича Семевского и познакомился Николай Александрович Морозов и Илья Ефимович Репин.

Илья Ефимович, конечно, сразу пригласил Морозова в «Пенаты», он непременно хотел написать портрет Николая Александровича. Но как прочитать в глазах жизнерадостного, очень подвижного, веселого человека, то, что он пережил?

В одном из писем Ильи Ефимовича к Чуковскому мы находим строки: «Про «Пенаты» можно сказать: все побывали тут. Одним из самых трогательных был Морозов Николай Александрович. Такой доброй, веселой молодости не было ни у кого. Только что отсидев Шлиссельбургскую крепость, он после 25 лет заточения вернулся в жизнь тем 20-летним юношей, каким был арестован». После первых же сеансов Илья Ефимович «влюбился» в Морозова, встречи их в «Пенатах» стали частыми.

И вот, на берегу залива, провожает глазами автор «Ареста пропагандиста», «Не ждали», «Отказа от исповеди» и других полотен, человека, кажется, ступившего с его холста в жизнь, такого и все-таки иного, не похожего на тех, кого он рисовал. Но, кажется, едва заметная фигура начала увеличиваться, — Николай Александрович возвращается. Подъехал, скинул лыжи, и все отправляются в обратный путь к дому.

Перед обедом Наталья Борисовна Нордман включает свой «музыкальный ящик», начинаются пластические танцы. Танцует, как умеет (а где было научиться?) и Николай Александрович. Он весел, шумлив, и своей находчивостью, импровизацией покоряет присутствующих, вызывая одобрительные возгласы. Затем обед за вращающимся круглым столом, в центре которого на возвышении обязательная репа, а после обеда Николай Александрович говорит о звездах... Поздно вечером гости отправляются на станцию, пора ехать в Петербург. Но и в вагоне поезда продолжают споры, шутки, смех.

Так, или примерно так, встречались профессиональный революционер, герой «Народной воли» и гениальный художник, воплотивший облик революционера во многих своих полотнах в 1906—1910 годах.

Если они долго не виделись, то писали друг другу, делились

замыслами, планами. (И по сей день в музее «Пенаты» в библиотеке Ильи Ефимовича можно найти книги Николая Александровича Морозова). А в 1912 году Николая Александровича, уже пожилого человека (ему было в то время 58 лет) вновь посадили в одиночное заключение уже в Двинскую крепость за цикл стихотворений, в которых власти нашли призывы к несправедливо царизма.

В Двинской крепости получать его и привезет от Репина.

Илья Ефимович писал: «И вот как бывает: сживешься, чувствуешь близко друга, вспоминаешь каждое его слово, привычку, шутку и кажется тебе — недавно еще видел его, говорил с ним... Стоит выйти на берег моря, сейчас же представляется симпатичная жизнерадостная фигура, которая, вступивши на лыжи и взявши в руки — голые руки даже при изрядном морозе — бамбуковые палки, храбро, без раздумья, устремилась на самый край моря. Идет и идет,

все вперед и вперед... Боже, да вернется ли назад этот отважный странник по бесконечной степи Финского моря?».

После освобождения из Двинской крепости так и не удалось Николаю Александровичу побывать в «Пенатах», в 1918 году граница была закрыта, и Илья Ефимович Репин вдруг оказался «за рубежом».

Умер Николай Александрович в возрасте 92 лет, память о нем хранят стены Петропавловской, Шлиссельбургской крепостей, именем его назван поселок неподалеку от Ладожского озера. Память о Николае Александровиче хранят старые деревья «Пенат» и дорожка, ведущая к Финскому заливу. Оставил Николай Александрович много трудов по физике, химии, математике, астрономии, атеистические произведения, стихи. В предисловии к «Звездным песням» он писал:

«Не все эти песни говорят о звездах...»

Нет! Многие из них были написаны во мраке непроглядной ночи, когда сквозь нависшие черные тучи не глядела ни одна звезда. Но в них было всегда стремление к звездам».

В. ЧЕРЕДНИКОВ